

КОШЕТАР Ульяна Петровна,
канд. истор. наук,
доцент кафедры философии ГМИ НАУ

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ЧЕХОВА

Описание внутреннего мира героев, их психических особенностей и психологических портретов позволяет отнести творчество А. Чехова к разработке психологизма внутреннего, направленного на анализ собственного внутреннего мира, своей души.

А. Куприн в своих воспоминаниях писал: «Думается, Чехов никому не раскрывал своего сердца вполне. Но ко всем относился благодушно, безразлично в смысле дружбы и в то же время с большим, может быть, бессознательным интересом».

Психологизм был характерен для творчества Л. Толстого, М. Достоевского, И. Тургенева, А. Чехова. Это полное, подробное и глубокое изображение чувств и эмоций, мыслей и переживаний, дается тонкий и убедительный психологический анализ душевных явлений и поведения литературного героя. В психологизме один из секретов долгой исторической жизни литературы прошлого: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нем самом. О. Осмоловский ввел понятие «онтологический психологизм» как объяснение человека в русской литературе и философии с учетом божественной первоосновы бытия. А. Чехов использовал метод, который позволял анализировать мимолетные черты текущего бытия и раскрывал эпическую картину жизни. Розанов удачно сказал о методе Чехова: «Неслучайный подбор случайностей». По мнению писателя, осознанное проживание жизни возможно лишь при скрупулезном и тщательном внимании к каждому мимолетному событию жизни «маленького человека». «Люди не ездят на Северный полюс и не падают там с айсбергов, – писал он в одном из писем. – Они ездят на службу, бранятся с женами и едят щи».

Диалоги, внутренние монологи героев, их портретные характеристики и одежда и вещи все подчинено описанию типа личности в анамнезе. При этом фоном была «жизнь ровная, гладкая, обыкновенная, какова она есть на самом деле» для которой главными были взаимоотношения людей (вернее душ героев) с действительностью, миром. Писателю удавалось внешний, казуальный, конфликт подчинить внутреннему – субстанциональному. Метерлинк назвал «трагизмом повседневной жизни», когда человек становится игрушкой в руках судьбы, но, тем не менее, стремится осознать себя в рамках Времени и Вечности. Неразрешенность и неразрешимость конфликта ведет героев

“новой драмы” к духовной гибели, к бездействию, душевной апатии, к состоянию ожидания смерти, и даже сама смерть не видится разрешением внутренних противоречий героя. А.Чехов из отдельных деталей, «частностей». Складывает представление о внутреннем состоянии их переживаниях. Он писал: «В сфере психики тоже частности. Храни Бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевные состояния героев...». А.Чехов показывает логику поступков. Опираясь на психологическое состояние своих героев «маленьких людей», переполненных трагичностью. «Страдание, – писал Чехов, – выражать надо так, как они выражаются в жизни, то есть не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикующей, а грацией».

К. Леонгард в работе «Акцентуированные личности» писал, что людей общественной ориентации не следует корректировать. Им просто нужно помочь найти себя. Когда это удастся сделать, то это приносит пользу. Представителям общественного круга лучше всего находить лиц той же ориентации. В художественной литературе исход таких семейных отношений показан в рассказе А. Чехова «Попрыгунья». Героиня этого психологически точного рассказа принадлежала к личностям общественного круга, а ее муж был ярким типом производственника-исполнителя. В конечном итоге, отсасывая дифтерийные пленки у тяжелой больной, он погиб. К. Леонгард приходит к выводу, что героиня косвенно виновна в гибели своего супруга. Ученый объясняет, что она была источником постоянного эмоционального напряжения, которое, как известно, ослабляет защитные силы организма. Скорее, производственникам следует иметь в виду, что не стоит им жениться на женщинах общественного круга. К. Леонгард подчеркивал, что использование характеристики литературных героев параллельно с описанием диагнозов реальных пациентов позволяет принимать адекватные решения врачам-психотерапевтам, руководителям при подборе и расстановке кадров, а также психологам в процессе работы по производственной и профессиональной ориентации и при семейном консультировании.

Отдельную психологическую категорию в психологизме Чехова составляет та легкость, с какой вообще логическая деятельность попадает в зависимость от эмоциональных состояний человека; а также легкость, с какой сравнительно общая оценка колеблется и аберрируется минутными эмоциями. Невидимый, могучий враг – чувство магнетически определяет и смущает ход мысли большинства людей, и без того колеблющийся и произвольный, определяемый силой ассоциаций.

Всего сильнее страдает в этой анонимной борьбе оценка, которую дает жизни или людям такой бессильный, пристрастный ум.

Оценка одного и того же положения, или человека, в особенности, – постоянно колеблется в зависимости от настроения. Возможным становится это, очевидно, потому, что всякое положение, а особенно человек, имеют много признаков, которые надо разобрать не разлучая, для того, чтобы удовлетворительно оценить целое. Значит — достаточно выхватывать отдельные признаки, чтобы стали возможными несколько неверных оценок. При чем часто, для такой односторонней оценки человек выхватывает из реального “пучка” признак и сам по себе ничтожный. Особенно же колеблется, и может быть неправильна оценка людей, как обладающих всегда очень сложной совокупностью признаков.

Своеобразие художественного мышления Чехова можно заметить и в оригинальной концовке его рассказов. Писатель не стремится удивить, поразить читателя перестановкой эпизодов, эффектной, непредвиденной развязкой событий. В рассказе «Невеста», например, по законам традиционной новеллистической композиции развязка должна была быть драматической – бегство из дома героини, отказавшейся выйти замуж за своего жениха, и скандал.

Однако в рассказе скандала не происходит. Фабула интересна для автора не движением событий, а движением внутренней жизни героини.

Чехов по-своему понимает роль фабулы в повествовании. Можно назвать рассказы, в которых событийность, по существу, отсутствует («Счастье», «На пути» и др.). Отсутствие действия, по мнению исследователей, как раз и обуславливает философское и поэтическое настроение этих новелл. Вместо «ударной» концовки Чехов как бы приостанавливает движение событий, предоставляя читателю возможность самому поразмыслить о жизни.

Как отмечают многие исследователи, чеховский психологизм близок к японскому мироощущению, в частности, его «пропуски» в описании внутреннего мира персонажей.

Тяга японцев к творчеству Чехова, его писательской личности органична. Она связана с их художественной натурой, их эстетическими представлениями о прекрасном.

Ноябрьская ночь.

Антон Чехов читаю.

От изумления немею.

Это трехстишие Асахи Суэхико из его книги «Мой Чехов». Чем же психологизм Чехова близок Японии?

Лаконизм чеховского рассказа, его мягкие тона, тончайшие нюансы, склонность писателя оставлять произведения недосказанными, а также внимание к деталям – эта повествовательная манера, не привычная для западного читателя, для японцев была органичной. Чехов возводил

краткость в своеобразный эстетический принцип, он говорил, что писатель должен не утонуть в мелочах, а уметь жертвовать подробностями ради целого. В своей изобразительной манере Чехов всегда оставался верен принципу опоры на отдельные детали, на «частности». Из этих «частностей» у читателя складывалось представление о внутреннем состоянии чеховских героев, их переживаниях. Чехов писал: «В сфере психики тоже частности. Храни Бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевные состояния героев...» Как известно, современная Чехову критика не сразу уловила новизну чеховского психологизма и высказывала предположения, что писателя вовсе не интересует психология его героев.

Нечто подобное случилось и с японским писателем Танидзаки Дзюньитиро. Анализируя знаменитый роман Танидзаки «Мелкий снег» (1948), американский исследователь японской литературы Дональд Кин заметил зияющий пропуск в повествовании – отсутствие психологической характеристики жизни героев. «Читая этот роман, – писал Д. Кин, – мы призадумываемся, обнаружив, что в мире чувств японцев есть незаполненное место. Писатель ничего не скрывает от нас и сообщает даже о том, какими зубными щетками пользовались героини. Однако в романе ничего не говорится о том, что испытывала Таэко, когда умер ее любимый. И нам начинает казаться, что, может быть, героине это было все равно. «Мелкий снег» – трудный роман для европейского читателя».

Отмеченные американским исследователем особенности изобразительного искусства Танидзаки, не привычные для европейцев, в сущности, очень напоминают особенности чеховского психологизма, которые в свое время встретили непонимание его современников.

«Страдание, – писал Чехов, – выражать надо так, как они выражаются в жизни, то есть не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а грацией».

Заключение

Вся богатейшая русская классика как бы состоит из двух больших течений – разработки психологизма героев в их отношении к миру и другим людям и в разработке психологизма внутреннего, направленного на анализ собственного внутреннего мира, своей души.

В творчестве Л. Н. Толстого и А. П. Чехова очень глубоко разработаны психологические портреты. И главная ценность этих портретов в том, что, соединяя несколько типичных черт представителей русского общества XIX века и Толстой, и Чехов смогли создать яркие, запоминающиеся, но вместе с тем нетипичные образы, которые, тем не менее, написаны глубоко реалистично. Пьер Безухов, Наташа Ростова, три сестры, «человек в футляре» – великолепнейшие и незабываемые

образы. Но вместе с тем нетрудно заметить и значительную разницу в их разработке.

Если Толстой анализирует психологические портреты своих персонажей, как внутренние проекции происходящих с ними событий, то Чехов, наоборот, выводит всю логику поступков из психологического состояния своих героев. Правы и тот, и другой. Мы, благодаря этим двум гениям, можем взглянуть на XIX век как бы с двух сторон и это, несомненно, дает нам возможность обрести полноту восприятия.

Герои Чехова часто гораздо менее симпатичны, чем герои Толстого. Это «маленькие люди», в которых нет ничего великого, зато много трагичности.

Трагичность Толстого иная. Толстой, безусловно, великий психолог, заостряет внимание на духовном становлении героя, на его развитии. Узловыми моментами толстовского психологизма являются «звездные минуты» героев, моменты, в которые какая-то высшая истина открывается им. Толстовский психологический метод основан на идее движения, точно названный Чернышевским "диалектикой души". Внутренний мир человека изображается в процессе, как постоянный, непрерывно сменяющийся психический поток.